

## **КАДЕТЫ О РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОЧНИКИ АНТАГОНИЗМА И ОСНОВЫ СОГЛАСИЯ**

*Аннотация.* В статье на основе материалов доктрины внешней политики партии конституционных демократов рассматривается проблема русско-английских отношений в начале XX в. Автор обращает внимание на констатацию кадетами того факта, что в конце XIX – начале XX в. Россия и Англия считали друг друга «естественными врагами». Итоги русско-японской войны создали возможность сближения двух государств, которое было зафиксировано соглашением 1907 г., получившим высокую оценку партии. Несмотря на некоторое «отодвижение» Англии накануне Первой мировой войны, кадеты считали необходимым поддержание дружественных отношений с последней в интересах международной и внутренней политики России.

*Ключевые слова:* кадеты, русско-английские отношения, соглашение 1907 г., русская делегация, «отодвижение» Англии.

*Abstract.* In the article on the materials of the foreign policy doctrine of the constitutional democrats' party the problem of Russian-English relations in the beginning of the XX century is considered. The author pays attention to ascertaining by cadets such a fact, that at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries Russia and England considered each other as « true enemies ». The results of the Russian-Japanese war gave the opportunity of the approach of two states which has been fixed by agreement in 1907 and got a high estimation by the party. Despite of some "disjoint" of England before the First World War, cadets considered, as researcher points out, that maintenance of friendship with this country in the international and internal policy interests of Russia is necessary.

*Keywords:* cadets, russian-english relations, the agreement 1907, russian delegation, "disjoint" of England.

В конце XIX в. даже самые большие оптимисты в политике, не говоря уже о представителях либерального общественно-политического течения, исключали какую бы то ни было возможность сближения России и Англии по причинам непримиримости их притязаний «на одну и ту же легкую, доступную добычу, на недвижный восток, который застыл в вековой пассивности» и «глубоких различий в самом характере этих притязаний», которые проявлялись в том, что «Англия искала возможность приобрести или сохранить свободные рынки... от таможенных заграждений, от военно-политических привилегий», а Россия, стремясь достичь и удержать военное обладание, тотчас же «воздвигала таможенную стену», ведя за русским оружием неизбежную свиту в лице «таможенных стражников, военно-политических урядников, чиновников вельможных ведомств» [1].

Каждый поступательный шаг России на азиатском востоке «напрягал и натягивал» отношения между двумя державами, создавая эффект неизбежности столкновения двух империализмов. Два фактора – снятие англо-русского антагонизма по Дальнему Востоку ввиду сведения «на нет» силой японского оружия русского стремления стать твердой ногой на тихоокеанском побере-

жье и общее «пробуждение» Азии, сделавшее «добычу» менее доступной и легкой как для России, так и для Англии, – сыграли решающую роль в передвижении двух государств навстречу друг другу.

Однако достичь соглашения представлялось возможным лишь путем разрешения застаревших проблем по Афганистану, Персии, Тибету. Первые контакты между двумя государствами произошли во время работы Алжезирасской конференции. В Алжезирассе русский уполномоченный граф Кассини имел беседы со своим британским коллегой А. Никольсоном, и беседы эти приобрели регулярный характер [2, с. 49]. В мае 1906 г. Никольсон был назначен послом в Петербург, где между ним и А. П. Извольским начались переговоры, продолжавшиеся более года. Английская сторона, имея конечной целью оторвать Россию от Германии, проявила чрезвычайную предупредительность, предложив расширить круг обсуждаемых вопросов за счет включения проблемы черноморских проливов. Но для России очень важно было удержаться на той черте, за которой могли начаться осложнения с Германией, поэтому, как ни велик был соблазн решить «вековечную» задачу обретения проливов, она сама ограничила рамки обсуждения персидским, афганским и тибетским вопросами.

Русско-английские переговоры по заключению соглашения привлекли внимание кадетов, которые отмечали, прежде всего, осторожность, проявляемую руководителями русской политики, «поминутно озиравшимися на Берлин и всячески ублажавшими его несколько капризный темперамент». Впрочем, с подписанием соглашения не спешили и по ряду других причин – как с русской, так и с английской стороны. «С нашей... потому, что вообще работать быстро и определенно у нас не привыкли, потому что принято консультировать разные ведомства, из которых некоторые до сих пор относятся к англичанам, как бык к красному цветку». С английской стороны тоже не спешили, указывали кадеты, так как англичане «вообще гораздо меньше придают значения бумаге, чем общим симптомам и настроениям. А так как в обеих странах эти симптомы и настроения сливаются в желании в азиатских делах не расходиться, а сходиться, так как и без соглашения в Персии эти настроения уже дали свой полезный плод, то самый факт соглашения не имеет непосредственно важного значения практической перемены, уже наладившейся» [3].

Кадеты в своем обсуждении предстоящего соглашения высказывали предположения и догадки относительно его возможного содержания, считая, что по вопросу о Персии обе державы, скорее всего, условятся «не мешать друг другу во всем, что касается приобретения торговых прав и концессий на железные дороги», разделив сферы влияния одним из трех возможных способов. Первый – путем одной условленной черты, отделяющей русскую сферу от английской. Второй – при посредстве двух черт, между которыми будет нейтральная зона. Третий – при посредстве двух черт, между которыми будет зона влияния обеих сторон. Далее, размышляли кадеты, получив сравнительно существенную свободу действий в Персии, Россия, вероятно, должна будет примириться «с вассальным по отношению к англо-индийскому правительству положению Афганистана» и признает эту страну входящей в сферу влияния Англии, однако с условием «не пользоваться ею как плацдармом против наших среднеазиатских владений». По отношению к Тибету, предполагали кадеты, оба государства, скорее всего, «взаимно обещают друг другу охранять в нем суверенитет Китая и взаимно ограждать от каких-либо по-

ползновений приобрести также путем концессий и сепаратных соглашений какие-либо привилегии» [4].

Опубликование подписанного 18 (31) августа 1907 г. русско-английского соглашения подтвердило прогнозы кадетов. Оценивая общий смысл англо-русского соглашения, кадетская «Речь» писала, что его целью было «прекращение того невыгодного для обеих сторон положения в Центральной Азии, когда в качестве взаимно не доверяющих друг другу конкурентов они взаимно парализовали друг друга. Обе стороны пришли к заключению, что... выгоднее обеспечить себя от случайностей с тыла, хотя бы это обеспечение и обошлось ценой серьезных уступок» [5]. Конечно, «выговоренные» Россией неприкосновенность Афганистана, с признанием особых прав Англии в этой стране, неприкосновенность Тибета, преобладающее влияние России на севере Персии, с отказом «от мечты о выходе в теплое море» и передачей Персидского залива с Бендер-Аббасом в сферу британского влияния, выглядели как уступки, продиктованные слабостью России, но вместе с тем кадеты признавали их «неважными сравнительно с той целью, которой они достигали, с возможностью для России, как и для Англии, вернуться в Европу с Дальнего Востока» [6].

Возвращаясь, уже по факту подписания соглашения, к его истокам, кадетская пресса в перечень основ русско-английского сближения ввела новый элемент – растущий, в связи с усиленными морскими вооружениями Германии, англо-германский антагонизм, оставив неизменным тезис о значении русско-японской войны и ее последствий. Применительно к первому кадеты замечали, что к тому моменту, когда возросла экономическая и политическая мощь Германии, мир уже был поделен – «Германии достались если не крохи колониального богатства, то, во всяком случае, такие куски, которые несравнимы с тем, что досталось на долю Англии и Франции» [7, с. 83]. Если в 1880-х гг. Германия только начинала искать «территориальные приобретения и расширение своего влияния в Африке и Океании», провозглашая колонизацию «делом частной инициативы», то уже в 1907 г. выборы в рейхстаг показали, что «общественное мнение Германии в известных пределах одобряет колониальную программу и активную политику вне Европы» [8, с. 217]. Имея в руках «могущественные орудия» международной конкуренции, Германия стала опаснейшей соперницей Англии на мировом рынке, которая, в поисках противовеса росту ее мировых интересов, заключила сначала «сердечное соглашение» с Францией, а затем, преодолевая «старое недоверие» и «хроническую враждебность», – с Россией.

Хотя характер соглашения определялся кадетами как местный, чисто азиатско-пограничный, они выражали надежду на то, что дело сближения не остановится на этом первом успехе, приводя в прямую взаимозависимость «параллелизм» политики петербургского и лондонского кабинетов с «сочувственным» восприятием английским общественным мнением действий русского правительства. Указание кадетов на внутреннюю политику царизма было вполне понятным. Вспоминая инцидент 1906 г. с отменой визита английской эскадры по причине заявленного русскими властями бессилия «огордить мирных путешественников от «оскорблений» со стороны известной части общества» [9] и, ставшее его следствием, «колебание политического доверия к России и ослабление тех ее международных уз, которые вытекают

из реальных интересов страны нашей родины и ее союзника» [10], кадеты призывали не повторять подобных ошибок впредь.

Своего рода положительным «прорывом» в отношениях народов двух государств стало, по мнению либералов, летнее 1909 г. посещение Англии делегацией русских представителей думского большинства и ответственной оппозиции в составе членов Государственного совета М. А. Стаховича, П. Н. Трубецкого, А. С. Ермолова, членов Государственной думы В. А. Бобринского, И. Н. Ефремова, А. И. Гучкова, Н. Н. Хомякова, Г. Г. Лерхе, Н. Н. Львова, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, И. С. Монтвиля, С. И. Шидловского, А. И. Звягинцева, К. М. Тевкелефа [11]. Первые же отзывы либеральной прессы называли поездку не иначе, как «знаменательной манифестацией конституционной России», подчеркивая, что «во всех решительно речах – и наших друзей и наших – эта основная идея – России, как конституционной монархии, – звучала основным лейтмотивом». Особую ценность подобной акции международного общения кадеты увидели в том, что русское правительство «наконец, обнаружило первые признаки понимания, что только новый русский строй дает ему самому надлежащую санкцию в глазах цивилизованного мира» [12].

Более подробно ситуацию с возникновением идеи визита, его организационной и содержательной части партийцы узнали из выступления лидера партии Милюкова на ноябрьской конференции 1909 г. Подчеркнув, что мысль об организации приезда русской депутации в Лондон принадлежала ливерпульскому профессору Пэре, Милюков пояснил, что последний видел свою задачу в том, чтобы показать общественным и политическим кругам Англии заинтересованность всех влиятельных политических партий России в конституционном развитии их страны.

«Действительность приема, – сообщал Милюков, – превзошла ожидания: по мере того, как развертывался наш визит, мы убеждались, что наши планы не только не оказались слишком смелыми, но превзошли расчеты» [13, с. 173], имея в виду тот факт, что визитом, с точки зрения развития международных отношений и подготовки предстоящего свидания Николая II с английским королем Эдуардом VII, заинтересовался официальный мир Англии. Вместе с тем приезд делегации из России не прошел незамеченным и для радикальных кругов русской эмиграции, рабочей партии, которые повели агитацию против визита, расценивая его как попытку вмешательства в установившееся отношение английского общественного мнения к официальной России, суть которого заключалась в том, что в России, ввиду «тугого» осуществления конституционных порядков, продолжала сохраняться реальная возможность государственного переворота в реакционном смысле, что в международном плане делало для Англии более предпочтительной ориентацию на Германию, нежели на Россию.

С учетом данной ситуации ключевой задачей визита сам Милюков определил отклонение всех обвинений в том, что «мы республиканцы и революционеры» выстроили в данном ключе свою приветственную речь на обеде у лорд-мэра Лондона 19 июня. Признав, что «восхваления» существующих в России конституционных учреждений от него вряд ли кто ожидает, поскольку оппозиция в полной мере понимает необходимость расширения прав Думы, демократизации избирательного права, приведения всей системы поли-

тических учреждений в гармонию, при которой только и возможна «полезная законодательная работа», Миллюков подчеркнул, что «до тех пор, пока в России существует законодательная палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» [13, с. 175], прямо указав тем самым, что русская оппозиция, как в свое время и английская, не желает «разъединять» императора и парламент. Убежденность английского общественного мнения в том, что русские влиятельные политические партии не стремятся к радикальному разрешению хода событий в России, а придерживаются эволюционного пути, должна была стать, по мнению лидера кадетов, первой «скрепляющей» основ русско-английской дружбы. Вторая – дружественное соглашение 1907 г., которое «не раз подвергалось испытаниям и блестяще их выдержало».

Речь, как замечал ее автор, вызвала положительные отклики в среде общественных и государственных деятелей Англии и Франции, которые были согласны с тем, что «такая демонстрация была необходима, что она связывает нашу высшую власть известными обязательствами, что русскому конституционному движению нужна была эта форма заявления». «Никто ведь ни минуты не заблуждался в том, что русские представительные учреждения пока еще чрезвычайно слабы и ненадежны и что мы, в сущности, недалеко ушли от персидских порядков» [13, с. 176].

Оставляя в стороне детальное обсуждение делегатами партийной конференции содержания и формы выступления Миллюкова, следует признать, что лидер партии предоставленный ему шанс «высоты» исторического положения, когда «нация впервые почувствовала свой равноправный голос среди голосов других культурных стран и когда этим голосом она могла говорить, через головы иностранцев, со своей верховной властью» [13, с. 190], использовал в полной мере.

При свидании с английским королем в Коусе Николай II «принужден (был – И. В.) благодарить монарха дружественной страны за прием, оказанный представителям его народа», что, по мнению Миллюкова, являлось «большой дипломатической победой над нашей реакцией: мы ей всунули большую палку в колеса» [13, с. 191]. Более того, в ответ на тост Эдуарда VII об «увеличивающихся добрых отношениях двух народов» Государь ответил указанием на «рост сердечных отношений» между странами, основанных на общих интересах и взаимном уважении».

Вместе с тем кадеты не могли пройти мимо фактов, о которых так усиленно «кричала» Германия после Боснийского кризиса: «Что может (дать – И. В.) России Англия? Она поддерживает Россию как слабую и безопасную державу, против сильной и опасной, этим самым втягивая ее в активную политику, для России невыгодную, и в то же время противодействуя ее действительным интересам – в Константинополе, на Балканах, в Средней и в Дальней Азии» [14]. Соглашаясь с тем, что далеко не всегда Англия была готова к поддержанию национальных интересов России, кадеты, тем не менее, отказались «впасть в софизм» о том, что русско-английское сближение не возвращает России ее престижа и силы. Никогда, подчеркивали они, сторонники сближения «не утверждали нелепого положения, будто подобные конъюнктуры способны заменить недостающие реальные ресурсы, на которых создается престиж; никакая дипломатия вообще сделать этого не в состоянии»

[15, с. 160]. Но *rebus sic stantibus* (с лат. – «пока вещи обстоят таким образом»), англо-русская близость неизбежна как гарантия сохранения двойственного союза с Францией и могущественная основа мира.

Обращая внимание широкой русской общественности, весьма далекой в своем большинстве от вопросов внешней политики, на то, что суть сближения России и Англии состоит вовсе не в том, получили ли мы «немножко меньше или немножко больше, чем желали», а кроется в завершении «сто-летнего кошмара (русского – И. В.) нашествия на Индию» и устранении тех трений, на которых Германия основывала свою политику *divide et impera* (с лат. – «разделяй и властвуй») в Европе, кадеты в очередной раз указывали, что только единение Англии, Франции и России в Тройственном согласии поможет сохранить всемирное равновесие, к нарушению которого так стремился «германский колониальный империализм, милитаризм и пангерманизм» [16].

Мнение кадетов было вполне созвучно заявлениям официальных кругов Англии. Так, выступая в 1911 г. в Палате Общин, министр иностранных дел Англии сэр Э. Грей подчеркнул положительное значение русско-английского соглашения, которое не только остановило «подкапывание Англии и России друг под друга, происходившего в течение многих лет» [17, л. 287], но и создало сердечную дружбу, которая являлась обеспечением того, что ни одна из обеих держав не будет вести агрессивную политику против Германии. «Мы и другие соседи, – продолжал свою мысль Грей, – желаем жить с Германией на равной ноге. Я готов сделать все, что в моих силах, для улучшения отношений с Германией. Главная цель, однако, должна быть – не отдавать в жертву приобретенную дружбу. Мы сохраняем наши дружественные отношения и хотим сохранить их не умаленными» [17, л. 289].

Данные заявления главы МИД Англии способствовали снятию некоторой тревоги кадетов по поводу поездки военного министра Англии лорда Р. Холдена в Берлин в феврале 1912 г., имевшей целью прозондировать возможность англо-германского соглашения на основе сохранения британского господства на море. Рассматривая ее как «только перестраховку... повторение с английской стороны того же самого, что с русской было сделано в Потсдаме» [18], кадеты были уверены в том, что действия Англии не являются отклонением от политики *entente*. Действительно, все попытки Германии достичь политического соглашения с Англией о нейтралитете на случай, если другая держава окажется вовлеченной в войну, закончились провалом, впрочем, как и желание Англии сохранить свое превосходство в военно-морских силах. Данный результат миссии Холдена трудно оценить однозначно: с одной стороны, он подтвердил приверженность Англии Тройственному соглашению, с другой – способствовал резкому скачку гонки вооружений в ведущих державах Европы и нагнетанию напряженности в международных отношениях. Данное обстоятельство, требовавшее дальнейшей работы по укреплению прочности блоков, вело к поиску как новых форм военного сотрудничества в странах Антанты (франко-русская военная конвенция 1912 г., англо-французская военно-морская конвенция 1912 г.), так и к недопущению каких-либо конфликтных межгосударственных ситуаций по частным соглашениям.

В 1913–1914 гг. кадеты заметили некоторое «отодвижение» Англии от России. Попытки С. Д. Сазонова убедить англичан преобразовать межгосударственные отношения в союзные, которые позволят Тройственный союз

«уважать наши пожелания без войны», закончились тем, что британское правительство согласилось пойти лишь на обсуждение ограниченного соглашения по Балтике [19, р. 83]. Кадеты, ссылаясь на слова Сазонова о том, что «дружественные отношения к Англии... не пришлось изменить в союзы», признавали «естественность» ее нежелания «идти с нами до конца» по причинам, во-первых, различных взглядов на ближневосточный вопрос, а во-вторых, стремления занять балансирующую позицию перед значительно выросшей опасностью совместных действий, т.е. мировой войны [20, стб. 370–371].

Рассуждая о том, какое направление внешней политики выберет Англия с учетом вышесказанного, кадеты пришли к выводу, что глобальных изменений ожидать не стоит, поскольку переход Англии из Тройственного соглашения в Тройственный союз исключался по причине острого торгово-промышленного соперничества Германии и Англии и связанного с ним соперничества в области морских вооружений, а попытка ведения «индивидуальной» политики вне сформировавшихся международных групп в условиях «высокой» международной политики представлялась весьма проблематичной. Прогнозы кадетов оказались весьма точны. Весной 1914 г. начались англо-русские переговоры о заключении военно-морской конвенции по типу англо-французской, которые, ввиду желания английской стороны получить определенные дивиденды по Персии и Тибету, затянулись до августа 1914 г. и, в конечном итоге, ушли на второй план по причине начавшейся мировой войны.

Впрочем, даже не зная о них, кадеты были уверены в неизменности позиций Англии и прочности русско-английского соглашения, что, на их взгляд, предопределялось не только реалиями 1914 г., но и всей историей отношений России и Англии конца XIX – начала XX в. Было время, замечали либералы, когда «добросовестно» считая друг друга «естественными врагами», «Англия старалась вредить России на Ближнем Востоке, Россия соперничала с Англией на Дальнем, и обе стороны одинаково ревниво относились к взаимному расширению и сближению границ на Среднем Востоке» [21]. Однако расчет «взаимной выгоды» – упорядочение межгосударственных отношений по Дальнему, Среднему и Ближнему Востоку, «общие интересы» – поддержание баланса сил в Европе и сохранение мира, сняли препятствия к взаимному сближению, способствуя заключению соглашения 1907 г. Несмотря на периодически возникавшие кризисные моменты в отношениях сторон в период Боснийского кризиса, событий в Персии 1908–1909 гг. и 1911 г., Англия стремилась, по крайней мере внешне, демонстрировать свою солидарность российским интересам. Осторожность, тактичность, а зачастую и оправдательный характер замечаний кадетов в адрес внешней политики Англии, несомненно, были вызваны пониманием ценности ее дружбы в плане как международной, так и внутренней политики России.

#### ***Список литературы***

1. Речь. – 1906. – 3 (16) сентября.
2. **Ефремов, П. И.** Внешняя политика России. 1907–1914 / П. И. Ефремов. – М., 1961.
3. Речь. – 1907. – 31 июля (13 августа).
4. Речь. – 1907. – 6 (19) сентября.
5. Речь. – 1907. – 13 (26) сентября.

6. Речь. – 1910. – 21 сентября (4 октября).
7. **Струве, П. Б.** Современное международное положение под историческим углом зрения / П. Б. Струве // Струве П. Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997.
8. **Котляревский, С. А.** Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. – М., 1993.
9. Речь. – 1906. – 1 (14) октября.
10. Речь. – 1906. – 1 (14) июля.
11. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1347. Л. 55об.–56об.
12. Речь. – 1909. – 30 июля (12 августа).
13. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. : в 3 т. – М., 2000. – Т. 2.
14. Речь. – 1909. – 8 (21) июля.
15. Русская мысль. – 1910. – № 1.
16. Речь. – 1912. – 15 (28) февраля.
17. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144Б. Оп. 489. Д. 594б.
18. Речь. – 1912. – 29 января (11 февраля).
19. **Tomaszewski, Fiona K.** A Great Russia. Russia and the Triple Entente, 1905 to 1914 / Fiona K. Tomaszewski. – London, 2002.
20. Государственная дума. Созыв IV. Стенографические отчеты. Сессия II. – СПб., 1914.
21. Речь. – 1909. – 22 июля (4 августа).

---

***Воронкова Ирина Евгеньевна***

кандидат исторических наук, доцент,  
кафедра социально-гуманитарных  
дисциплин, Орловский государственный  
институт экономики и торговли

E-mail: irivoronkova@yandex.ru

---

***Voronkova Irina Evgenyevna***

Candidate of historical sciences, associate  
professor, sub-department of social  
and humanitarian disciplines, Orel State  
Institute of Economics and Trade

---

УДК 94(47):327

**Воронкова, И. Е.**

**Кадеты о русско-английских отношениях в конце XIX – начале XX в.: источники антагонизма и основы согласия** / И. Е. Воронкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 12–19.